

Научная статья
УДК 008

Вещный мир культуры

Тихомирова Елена Евгеньевна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Повседневность, выступая основной и необходимой предпосылкой социокультурных исследований жизненного мира как особой формы познания человеческого бытия, в настоящее время требует дальнейшего изучения с позиций культурологического анализа соотношения повседневного и экстраординарного, взаимосвязи повседневного и уникально-событийного пластов культуры в контексте конкретно-исторических условий того или иного региона или страны в целом.

Одной из важных составляющих повседневности являются вещи, которые определяются как предметы материальной действительности, обладающие относительной независимостью и устойчивостью существования и созданные человеком прежде всего для выполнения утилитарной функции. Для вещей, как и для культуры в целом характерен дуализм, ведь вещь бифункциональна по своей природе, она может удовлетворить как материальные потребности человека, так и духовные, то есть обладает как материальным, так и семиотико-информационным бытием.

В каждую вещь, создаваемую или приобретаемую им, человек может вкладывать определенный смысл, в свою очередь вещь также может оказывать на человека культууроформирующее воздействие. Вещь, не имеющая смысла, просто материал, материя становится шарфом только если ее назовут так и используют для определенной цели. Повседневные вещи выполняют прежде всего утилитарную функцию, затем знаковую.

Ключевые слова: повседневность; вещь; семиотика; знак; знаковая система; культура

Для цитирования: Тихомирова Е. Е. Вещный мир культуры // Культурно-антропологические исследования. 2022. № 1. С. 24–31.

Scientific article

The proper world of culture

Elena E. Tikhomirova¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. Everyday life, acting as the main and necessary prerequisite for sociocultural studies of the life world as a special form of cognition of human existence, should now require further study from the standpoint of a culturological analysis of the relationship between the everyday and the extraordinary, the relationship between the everyday and the unique-event layers of culture in the context of the specific historical conditions of that or another region or country as a whole.

One of the important components of everyday life are things that are defined as objects of material reality, with relative independence and stability of existence, they are created by man primarily to perform a utilitarian function. For things, as well as for culture as a whole, dualism is characteristic, because a thing is bifunctional in nature, it can satisfy both material and spiritual needs of a person, that is, it has a material and semiotic-informational existence.

In every thing created or acquired by a person, a person can put a certain meaning, in turn, a thing can also have a culture-forming effect on a person. A thing that has no meaning is just material, matter becomes a scarf only if it is called that and used for a specific purpose. Everyday things perform primarily a utilitarian function, then a symbolic one.

Keywords: everyday life; thing; semiotics; sign; sign system; culture

For citation: Tikhomirova E. E. The proper world of culture. *Cultural and anthropological research*, 2022, no. 1, pp. 24–31.

Пространство мировой художественной культуры по сути своей – мир предметов, вещей, памятников, составляющих мировое культурное наследие. Стараюсь воссоздать образы давно исчезнувших цивилизаций, представить облик человека эпохи Средневековья или Возрождения, мы обращаемся прежде всего к предметной среде, которую сохранило нам время. Эту среду составляют бытовые и ритуальные вещи, произведения искусства и памятники архитектуры, архитектурные комплексы и даже целые города. Подлинность этих знаков времени завораживает, они есть наглядное подтверждение того, что современная культура является наследницей как величайших достижений, так и глубочайших заблуждений прошлого. Преподавание мировой художественной культуры почти немислимо без обращения к этим живым свидетелям былого. Однако, как правило, наши ученики общаются не с самими артефактами, а с их копиями, подчас сильно искаженными. Используя арсенал наглядных пособий (иллюстрации, фото и видеоматериалы), педагог старается оживить свой рассказ, наполнить его красочными образами, сделать более запоминающимся и ярким. Получается странная игра: предмет, демонстрируемый таким образом, проходит несколько визуальных фильтров. Сначала его видит глаз фотографа (оператора), который пытается запечатлеть изображение и передать его нам – зрителям. Как бы ни был профессионален фотограф, он видит, отражает и передает не мир, а лишь свое ощущение мира. Предметы искусства, неповторимость которых он пытается сохранить на пленке, напоминают ярких и беззаботных бабочек, пойманных в тонкую сеть представлений, ассоциаций, аллюзий. Но прежде чем дойти до зрителя, «бабочка» изучается, классифицируется, мумифицируется и появляется перед нами в следующем «окне» – компьютера или телевизора, сопровождаемая определенным видеорядом и комментарием. Дети рассматривают через это окно уже не бабочку – живую и трепетную, – а лишь созданный кем-то экспонат с трогательной этикеткой «бабочка».

Учитывая, что мы живем в век высоких технологий, предлагаемое нам изображение может почти не отличаться от подлинника. Иногда оно даже «лучше» подлинника, что позволяет нам рассмотреть в деталях и подробностях, как устроена эта самая «бабочка», какие узоры покрывают ее крылья. Только одного мы понять не в состоянии: почему она летает и что заставляет миллионы людей во все времена, затаив дыхание, следить за ее полетом.

Но даже слабые попытки ребенка разобраться в этом чуде, как правило, пресекаются педагогом, который предлагает детям посмотреть на демонстрируемый артефакт через еще одно, уже третье по счету, «окно» собственных пояснений, что позволяет ему вписать данный объект в контекст урока.

Так, постепенно, «знаки времени» все более и более отчуждаются от зрителя, блекнут, теряют свою подлинность, свою живую привлекательность. Их нет необходимости рассматривать – за учеников это уже сделали другие. Их

нет нужды «расшифровывать», пытаюсь понять, что хотел рассказать человек о мире, который его окружал, – про это расскажут знающие люди: учитель или искусствовед. Вещи, предметы и памятники прошлого осознаются как данность, имеющая довольно отдаленное отношение к современной жизни школьника, его каждодневным заботам и переживаниям, в то время как живой мир, мир осязаемых вещей и предметов, людей, мир, в котором так необходимо разобраться подростку, остается за пределами класса. Как соединить несоединимое – образцы Высокого Возрождения и исписанные стены современных домов, средневековые соборы и современные новостройки?..

Представляется, что это и есть самое главное в курсе МХК – найти те взаимосвязи, которые способны заставить искать в прошлом ответы на современные и актуальные вопросы бытия: «Кем быть? Каким быть? Как жить? Как выстраивать отношения с другими? На что ориентироваться?» Любое великое произведение именно потому и ценно, что отвечает на вечные вопросы, касающиеся личности человека. Разгадать эти смыслы, «прочитать» те послания, которые начертали гении прошлого, – это нелегкая работа, которую человек осваивает на протяжении всей жизни. Уроки МХК – первые шаги на этом пути. И лучше начинать этот путь от порога родного дома, от того, что близко и понятно современному школьнику.

При изучении вещей важно учесть и не допустить подмены повседневности зарисовками из истории быта, что возможно из-за некоторой очевидности повседневного опыта, а применительно к современной культуре – наивным описанием личного опыта.

Что касается степени научной освещенности вопроса, то в настоящее время проблема повседневных вещей является одной из ключевых проблем гуманитарного знания.

Сегодня целая сфера современного общественного быта – потребление товаров, вещей – открылась в ней для исследования строгими научными методами и одновременно для глубокой социальной критики. Первая книга Жана Бодрийера «Система вещей» отличается ясностью изложения, парадоксальным остроумием мысли, блеском литературно-эссеистического стиля. В ней новаторски ставятся важнейшие проблемы социологии, философии, психоанализа, семиотики и искусствознания.

Фундаментальный трехтомный труд Ф. Броделя представляет собой всестороннее исследование экономической жизни человечества в переломную для его судеб эпоху становления капиталистических отношений. Первый том, названный «Структуры повседневности: возможное и невозможное», посвящен различным сферам материальной жизни [2]. П. Бурдьё представляет практический мир как систему когнитивных и мотивационных структур, – это мир уже реализованных целей, процедур, которых надо придерживаться, образцов, которым надо следовать, и объектов. Он вводит понятие *habitus* [3]. Российский культуролог Г. С. Кнабе делает важное для нашего исследования замечание, что для социально-гуманитарного знания вещь – это «ограниченный в пространстве и времени макрообъект, которому целенаправленной человеческой деятельностью придана определенная структурная организованность, внутренняя и внешняя форма. Вещь – это изготовленный человеком предмет, предназначенный удовлетворять те или иные человеческие потребности». Наиболее

существенно в этом определении указание на участие человека в создании вещи, ее формально-смысловую целостность и целевое назначение, непосредственно связанное с человеческими нуждами. Строго говоря, вещь по происхождению в равной степени принадлежит природному и культурному миру, поскольку создается из материала, прямо или опосредованно получаемого из природной среды, но приобретает форму, свойства и назначение лишь в процессе изготовления. «Вещь – всегда образ, и ее образный элемент окрашивает все остальные ее свойства» [5, с. 39–43].

Появляется целое направление исследований в области повседневных вещей. Так, М. Эпштейн в культурологии выделяет новую науку – реологию, вещеведение (от лат. *res* – вещь). Это гуманитарная дисциплина, изучающая единичные вещи и их экзистенциальный смысл в соотношении с деятельностью и самосознанием человека. Большинство вещей, повсеместно и повседневно нас окружающих, никак не укладываются в рамки теоретических дисциплин, изучающих вещи: промышленной технологии, технической эстетики, товароведения, искусствознания. Предмет реологии – это такая сущность вещи, которая не сводится к техническим качествам изделия, или к экономическим свойствам товара, или к эстетическим признакам произведения. Вещь обладает особой лирической и мемориальной сущностью, которая возрастает по мере того как утрачивается технологическая новизна, товарная стоимость и эстетическая привлекательность вещи. Эта сущность, способная сживаться, сродняться с человеком, раскрывается все полнее по мере того, как другие свойства вещи отходят на задний план, обесцениваются, устаревают. Задача реологии как теоретической дисциплины постичь в вещах их собственный, нефункциональный смысл, не зависимый ни от товарной стоимости, ни от утилитарного назначения, ни даже от их эстетических достоинств [12].

В. Н. Топоров в своей статье «Апология Плюшкина» связывает этого памятного всем читателям Гоголя персонажа с традицией «духовного» наполнения мира вещей, которые принципиально находятся вне ценностного измерения. В. Н. Топоров показал, что вещь имеет значения продукта «низкой» деятельности для того, что «потребно» и «полезно» (от «польга», «легко») до сакрального, священного, но главное – к чему «прилепляется» душа. Именно привязанностью к ничтожным вещам объясняется образ Плюшкина (добавим: отчасти синдром Диогена): «Это был не ключник, а сам барин, хозяин дома и поместья и, может быть, еще важнее – того “вещного” хаоса, который составлял содержание и смысл этой комнаты, ибо именно она, по замыслу автора, определяла с достаточной полнотой и надежностью ее хозяина, а хозяин в свою очередь был творцом-демиургом этого “вещного” мира». Однако здесь можно согласиться с характеристикой, которую дал Плюшкину Алексей Ремизов: «Плюшкин – венец человеческого хозяйства». Вещи несут в себе свою меру, свой огонь – это время (маятник), заканчивающийся их конечным сроком, после которого они распадаются в пыль и пепел. В итоге «ни человека, ни людей» (Ремизов А. «Огонь вещей»). Понятие ценности определяется значимостью для человека. В связи с этим ценность вещи (и артефакта) прежде всего понимается в значении близости человеку. С этой точки зрения и бытовые вещи (одежда, посуда, мебель, обувь, разного рода инструменты) и «высокие», священные вещи (символы веры, памяти и т. д.) имеют то общее, что настолько близки человеку, что открывают

и сохраняют в нем человеческое начало. По верному замечанию М. Хайдеггера, «вопрос “что такое вещь?” – это вопрос “кто такой человек?”». Итак, мера вещи заключается в её человекообразности, или так: мера вещей и мера человека суть одно и то же [8, с. 58–59].

Во многом интерес к изучению вещи в культуре обусловлен тем фактом, что вещей вокруг человека становится больше, поскольку наше общество является обществом потребления. Кроме того, можно отметить факт, подчеркнутый Ю. В. Одношвиной, что «изменение семиотичности вещей на современном этапе развития человечества прослеживается гораздо проще, чем в древности, благодаря большей гибкости информационной структуры общества» [6]. А согласно В. Д. Лелеко, это значит, что «общество находится на том этапе, когда повседневная жизнь выходит из тени, и начинает претендовать на высокую культурную значимость, завоевывая общественное внимание».

Исследование повседневности с философских позиций отражено в работах В. И. Молчанова «Время и сознание. Критика феноменологической философии». Осмысление понятия «жизненный мир» и введение термина «повседневность» в теоретическое мышление является заслугой А. Шуца («Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии») и его последователей: П. Бергера, Т. Лукмана («Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания»).

Существенный вклад в изучение культуры повседневности и быта для анализа персональной и социальной идентичности внесли работы советских и российских ученых. Среди них необходимо отметить Е. В. Золотухину-Аболину – «Повседневность: философские загадки», Л. Г. Ионину – «Логика и история повседневности», Т. С. Кнабе – «Образ бытовой вещи как источник исторического познания», Е. Н. Шапинскую – «Критическая концепция повседневности», «Культура повседневности в современных исследованиях».

В каждой отрасли культуры в регионах появляются «малые формы» культурной деятельности: рядом с народными хорами по 500 человек состава – группы до десятка человек, рядом с массовым производством одежды – производство малыми сериями, рядом с полиграфическими комбинатами – издание книг малыми тиражами, даже номерными единицами в жанре «книга художника и поэта». Рядом со всемирно известным Новосибирским театром оперы и балета (ныне НОВАТ) в Центральном парке находится театр «Ла Пушкин», в котором актёрская труппа состоит из одного человека. Современная музееведческая литература интенсивно размышляет о «живом музее». Он осмысливается как объединение предметно-художественной музейной среды и реальных социально-бытовых объектов, «способное стать зоной открытого общения посетителей на разных уровнях и в разных формах» [1]. Осмысляя все возрастающую роль музеев в современном культурном пространстве (введен даже термин «музейный мир»), М. Е. Каулен обосновывает существование и индивидуальной музейной потребности. Исследователь обосновывает ее как реально ощущаемую необходимость сбережения опыта предшествующих поколений, которая может проявляться на индивидуальном, групповом, региональном уровнях. Кроме того, она отмечает, что партнерские отношения, складывающиеся между человеком и музеем, могут быть различными [4]. С этой точки зрения, слова Н. Ф. Федорова о том, что «каждый человек носит в себе музей» [10, с. 23] очень современны. Это

очень личностный музей, очень индивидуально переживаемый как в эмоциях, так и в культурных практиках. М. Е. Каулен называет новые складывающиеся музеи «учреждения музейного типа» и все же связывает их союзом «и» [4]. При таком подходе статус малых музеев, музеев нового поколения («учреждений музейного типа») является недостаточно высоким, они выполняют дополнительную работу, вспомогательные функции. В октябре 2010 г. на прошедшем в Санкт-Петербурге III Российском культурологическом конгрессе в рамках секционного заседания обсуждались проблемы науки, традиционно относимой к блоку культурологических дисциплин – музееведения. Там Н. А. Томилов, директор Сибирского филиала Российского института культурологии, поставил, по сути, ключевую проблему определения собственно базовых характеристик – музеологии как науки культурологической, и это позволяет перевести музеологические споры в культурологическую плоскость [9]. С нашей точки зрения, в современной социокультурной ситуации разномасштабность субъектов одной и той же культуры «раслаивает» единство и единственность конкретного бытия на разные по целям, средствам, действиям, интересам, перспективам, смыслам и т. п. составляющим целого – соответственно каждому из реальных субъектов культуры. Появляются «внутренние» события, именно они сильнее переживаются, глубже осознаются, полнее и ярче отображаются в сознании человека. В этом отношении можно говорить не только об интертекстуальности и интересубъективности культуры, но и о ее интересобытийности. В этой связи, с точки зрения культурологии, музеи нового поколения, малые музеи вписываются в динамику и смысл современной постиндустриальной эпохи. К этим музеям лишь отчасти можно применить культурные постулаты предыдущей эпохи. В индустриальной культуре музей – это фабрика, которая прокачивает через себя тысячи экскурсантов, подобно конвейеру. Музеи нового поколения иные – это развитие музейного дела. Новые музеи притягивают арт-индустрии, воплощают интерактивную коммуникацию, не только понимаемую узко: музей – посетитель, но и понимаемую в широком смысле: музей – музейный предмет – культура – время – человек иной эпохи и цивилизации, что позволяет через категорию времени, которое непрерывно, соединять всех участников коммуникативного акта. В этой среде активно проходит и альтернативный образовательный процесс – быстро и неакадемично, через интернет, YouTube.com, через тренинги с выдачей сертификатов для их участников. Подобная форма образования восполняет практически полное отсутствие профильного образования у персонала креативных индустрий. Так, один из наиболее известных фитодизайнеров Новосибирска, Юлия Флоровская, на наш вопрос о том, какое у неё высшее художественное образование, ответила: «Никакого, но у меня три сертификата». Возможность проявлять творчество и находиться в постоянном процессе самообучения и профессионального самосовершенствования привлекает молодежь в качестве сотрудников малых (новых) музеев. Работники малых музеев заботятся, в первую очередь, об оригинальности, техническом профессиональном мастерстве, гармонии, креативности и готовы согласиться на более низкую заработную плату, чем предлагают за «будничные» работы. Новые музеи являются малыми и по площадям, и по количеству сотрудников. Вероятно, в связи с этим тоже они значительно активнее осуществляют сетевое взаимодействие: они формируют сети не только в интернет-пространстве, но

и в реальном мире. Сеть музеев образуется в Новосибирске на ул. 1905 года. Здесь уже функционируют два музея: в одном здании открылись Музей счастья и Музей сказок и легенд, планируется открыть Музей цветов. Одной из закономерностей развития креативных индустрий являются кластеры (англ. «гроздь»), когда несколько таких агентств и творческих групп организуют взаимодействие в здании, которое чаще всего является бывшим заводом или фабрикой. Таков лофт «Мельница» на ул. Фабричной, бывший завод «Комета» на пр. Дзержинского; Пространство Арт Ель (ул. Романова, 23, Новосибирск). Между представителями креативных индустрий существует устойчивое сетевое взаимодействие, оно происходит интенсивнее, чем у классических музеев, т. к. сотрудники не подчинены соображениям иерархической ответственности перед строгим начальством. Например, сотрудник Музея-квартиры «Интеграл» в новосибирском Академгородке Анастасия Близнюк ведет свой индивидуальный музейный блог. У новых музеев появляются и новые проблемы: они значительно меньше уделяют внимания нормам и правилам хранения, каталогизации и описанию музейных коллекций. Утраты музейных предметов становятся неизбежными и при отмене традиционного правила «руками не трогать» и отказе от использования витрин. Тем не менее бурный рост музеев нового поколения дает возможность формировать у посетителей ответственное отношение к историко-культурному наследию, его освоению через изменение семантической ценности вещи, через интерсобытийность музея нового поколения как института культуры. Сегодня музей становится не столько хранилищем вещей, артефактов и предметов, сколько транслирует универсальные и национальные культурные коды, смыслы и модели традиционного поведения, необходимые современному человеку для формирования, сохранения своей идентичности и установления коммуникации с иными культурами. Это создаёт возможности для региональной власти поддерживать культурные индустрии (и в их составе кластеры музеев нового поколения) в рамках культурной политики и, с другой стороны, создаёт основания для культурных индустрий обращаться к властям за такой поддержкой. Культурная и креативная экономика может стать мотором развития региона путем внедрения инноваций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Астафьева О. Н.** Региональная культурная политика // Новации в музейном мире. Музей как коммуникационный протокол: сб. науч. ст. / отв. ред. И. В. Чувилова, О. Н. Шелегина. – Новосибирск: НГУ, 2013. – С. 11–23.
2. **Бродель Ф.** Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. в 3 т. / пер. с фр. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. Т. 1: Возможное и невозможное. – М.: Прогресс, 1986. – 622 с.
3. **Бурдые П.** Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
4. **Каулен М. Е.** Динамика музейной потребности и миссия музея в современном обществе // Новации в музейном мире. Музей как коммуникационный протокол: сб. науч. ст. / отв. ред. И. В. Чувилова, О. Н. Шелегина. – Новосибирск: Изд. НГУ, 2013. – С. 116–130.
5. **Кнабе Г.** Язык бытовых вещей // Декоративное искусство СССР. – 1985. – № 6. – С. 39–43.
6. **Одношовина Ю. В.** Культурные смыслы мира вещей: история и современность. – СПб.: СПб. гос. ун-т культуры и искусств, 2002, [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/prostranstvo-povsednevnosti-kak-predmet-kulturologicheskogo-analiza.html> (дата обращения: 14.02.2022).

7. **Поляков Т. П.** Музей будущего: Проблема выбора модели // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX и XXI веков. – М.: [б.и.], 2001. – С. 84–85.
8. **Топоров В. Н.** Вещь в антропологической перспективе (Апология Плюшкина) // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс – Культура, 1995. – С. 7–111.
9. Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации»: тезисы докладов и сообщений. – СПб.: ЭЙДОС, 2010. – 556 с.
10. **Федоров Н. Ф.** Из философского наследия (Музей и культура) // Музейное дело. – Вып. 23. – М., 1995. – С. 16–124.
11. **Хайдеггер М.** Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
12. **Эпштейн М.** Реалогия – наука о вещах // Декоративное искусство СССР. – 1985. – № 6. – С. 21–22.

Информация об авторе

Е. Е. Тихомирова, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой теории, истории культуры и музеологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, ORCID 0000-0003-1656-521X, imktikhomirova@mail.ru

Information about the author

Elena E. Tikhomirova, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, ORCID 0000-0003-1656-521X, imktikhomirova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.05.2022; одобрена после рецензирования 02.06.2022; принята к публикации 10.06.2022

The article was submitted 19.05.2022; approved after reviewing 02.06.2022; accepted for publication 10.06.2022